

Троценко Н. Д. Двадцатипятидесятники в Восточной Сибири (1929–1933 гг.)

Двадцатипятидесятниками принято называть промышленных рабочих, которые по решению Ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. были направлены в деревню для участия в форсированной коллективизации сельского хозяйства. В советский период внимание многих исследователей привлекал как этот отряд рабочих в целом, так и отдельные группы двадцатипятидесятников в регионах. Первым профессиональным исследователем их деятельности в Восточной Сибири стал В.П. Тюшев, опубликовавший ряд статей о деятельности двадцатипятидесятников в Красноярском, Иркутском округах, а также в Бурят-Монгольской АССР. Он установил, что в Восточной Сибири значительная часть двадцатипятидесятников набиралась окружными организационными на местных предприятиях ¹.

Впервые в историографии В.П. Тюшев отметил, что рабочие, мобилизованные округами сверх установленного центром плана, не получали доплат с предприятий. Их финансирование полностью возлагалось на местный бюджет.

Изучение писем двадцатипятидесятников и других материалов привело В.П. Тюшева к выводу о том, что работать им приходилось в крайне тяжелых условиях: «питались хлебом и водой, снабжение промтоварами отсутствовало, плохо было с жильем, особенно семейным». В.П. Тюшев подробно рассказывает о ленинградце И.Н. Шилове, убитом в июне 1932 г. по дороге в райцентр, приписывая это нападение «кулакам». Также он приводит примеры рабочих, оставшихся в сибирской деревне на всю жизнь.

Н.Я. Гушин, обращавшийся к теме двадцатипятидесятников в Сибири, делал акцент на их деятельности в западной её части. Специального внимания Восточной Сибири он не уделял, используя лишь отдельные факты, заимствованные из статей В.П. Тюшева.

Целью данной публикации является рассмотрение жизнедеятельности двадцатипятидесятников в Восточно-Сибирском регионе с привлечением новых эмпирических данных и в сравнительном аспекте с аналогичными процессами в Западной Сибири.

В статье рассматривается территория Восточно-Сибирского края, возникшего в результате разделения Сибирского края в июле 1930 г. В него вошли Иркутский, Красноярский и Керенский округа, Бурят-Монгольская АССР, а также Читинский и Сретенский округа Дальне-Восточного края (однако о Забайкалье у нас имеется недостаточно сведений, поскольку оно не входило в состав Сибири на момент мобилизации «25 тысяч»).

В январе – феврале 1930 г. в Сибирский край было направлено около 1730 рабочих с промышленных предприятий Ленинграда ². Большинство из них оказалось распределено в основные зернопроизводящие районы Западной Сибири. Иркутская газета «Власть труда» 24 января 1930 г. писала, что 19 ленинградцев

Троценко Надежда Дмитриевна, аспирант Института истории СО РАН.
Эл. почта: slonadya@gmail.com

¹ Гушин Н.Я., Журов Ю.В., Боженко Л.И. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма. 1917–1937. Новосибирск, 1978. С. 306, 309–310.

² ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1443. Л. 71. Постановление краевой комиссии по приему и распределению ленинградских рабочих в колхозы Сибирского края (утверждено секретариатом крайкома).

поедет в Красноярский округ, а 91 – в Бурятию¹. Однако в дальнейшем эта информация была опровергнута: Красноярску было предложено провести вербовку 20 рабочих самостоятельно, а в Бурят-Монголию отправить 110 ленинградских рабочих². По более поздним данным, в Бурятию поехало 100 ленинградцев³. В Иркутский округ, также вопреки первоначальным контрольным цифрам, ленинградцы направлены не были. Единственный источник, который противоречит этой информации – это заметка в газете «Власть труда» за 3 августа 1930 г. Там утверждается, что, по данным Иркутского окрколхозсоюза, в округе работает 17 чел. ленинградцев⁴. Не исключено, что к тому моменту краевыми организациями туда была переведена часть рабочих из БМАССР. На предприятиях Красноярска было мобилизовано около 100 рабочих, из которых деятельность половины должны были софинансировать командировавшие предприятия, а вторую половину – местный бюджет.

Для мобилизации рабочих Иркутского округа Сибкрайком ВКП(б) дал задание в 50 чел. Однако окружное бюро ВКП(б) ходатайствовало о том, чтобы увеличить это число до 100⁵. Краевой комитет назвал увлечение некоторых окружкомов большим количеством мобилизуемых «в ущерб качеству» совершенно недопустимым и предупредил, что все расходы по мобилизации сверх полученных заданий должны финансироваться за счет местных бюджетов⁶. Тем не менее, Иркутский округ направил на колхозное строительство около 100 чел.⁷ Из них три четверти прошли отбор окружной комиссии, и 23 чел. – районных комиссий в Черемхово и Усолжье.

Из документов следует, что в Иркутском округе вербовка рабочих для колхозов проходила, главным образом, в порядке партийной мобилизации⁸. Между тем в Ленинграде, а также в других округах Сибири, по крайней мере, формально, соблюдался принцип добровольности. Отдел кадров Иркутского окружкома связывал необходимость мобилизации с тем, что «массовая работа вокруг посылки рабочих» была проведена недостаточно. В результате, среди 197 чел., предварительно отобранных для работы в колхозах, оказался только 41 доброволец: 10 беспартийных, один член ВЛКСМ и 30 членов партии. Остальные 155 рабочих – членов ВКП(б) были мобилизованы принудительно. По утверждению работников окружкома, часть из мобилизованных членов партии не проявляла добровольно своего желания, боясь, что не справятся ответственной задачей.

По результатам окончательного отбора среди рабочих, направленных в деревню в Иркутском округе члены ВКП(б) составили 87,7 % (по данным о 81 чел.), из них 50,7 % с партийным

---

¹ Власть труда. 24 января 1930. Иркутск. № 19. С. 1.

² Там же. Л. 70.

³ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 274. Л. 61. 24 февраля 1931. Верхне-Удинск. Информационная сводка о работе двадцатипяти тысячников в БМАССР.

⁴ Власть труда. 3 августа 1930. Иркутск. № 174. С. 3.

⁵ ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1443. Л. 38. Записка о ходе отбора рабочих на постоянную колхозную работу в счет «25000» в Сибкрайком ВКП(б) (подписано зав. отдела кадров Иркутского ОК ВКП(б)).

⁶ Там же. Л. 89. Выписка из протокола № 29 заседания Бюро Сибкрайкома ВКП(б) от 1 января 1929.

⁷ Там же. Л. 74. Результаты распределения рабочих на колхозную работу. Л. 4. Записка Иркутского окружного комитета ВКП(б) в Усольский районный комитет. Январь 1930.

⁸ Там же. Л. 37. Сводка об отборе 100 чел. для работы внутри округа. Л. 38.

стажем до двух лет, 16,9 % – от двух до пяти лет, и 32,4 % со стажем от пяти до десяти лет¹. Кандидатов в члены партии было 8,6 %, комсомольцев – 1,2 %, а беспартийных всего 2,5 %. Для сравнения, среди рабочих, присланных в Сибирь Ленинградом, члены ВКП(б) составили вместе с кандидатами 88,5 %, причем последних было 19,6 %. Комсомольцев насчитывалось 2,9 %, а беспартийных – 8,6 %².

Большинство рабочих, мобилизованных в Иркутском округе, обладали значительным производственным стажем. 57 % – свыше десяти лет, 32 % – от пяти до десяти лет. Стаж менее пяти лет был лишь у 11 % (тогда как для ленинградцев, отобранных на работу в Сибирь, этот процент составил 16,5, а для двадцатипятидесятников по всему Союзу – 13)³. Однако опыт общественной работы имелся лишь у 44,4 % восточносибирских рабочих, в то время как среди ленинградцев группа с подобным опытом насчитывала 67,5 %. Причем никто из сибиряков, согласно статистике окружкома, не обладал опытом советской и профсоюзной работы. Поэтому возможность использовать в деревне организаторский опыт, накопленный на массовой общественной работе, у сибирских рабочих была меньше, чем у ленинградских.

Особенности формирования отряда двадцатипятидесятников в Восточной Сибири имели неоднозначные последствия для их адаптации к деятельности в деревне. С одной стороны, рабочим, мобилизованным с местных предприятий, не нужно было приспособляться к суровым климатическим условиям, они не настолько были оторваны от дома и семьи, как ленинградцы (даже если семья оставалась в месте прежней работы). К тому же, условия жизни рабочих на сибирских предприятиях были хуже, чем в Ленинграде. Поэтому ухудшение этих условий при перемещении в сельскохозяйственный сектор для рабочих-сибиряков могло оказаться не столь заметным. Однако многочисленные заявления и письма двадцатипятидесятников, а также материалы обследований, проводившихся окружными и краевыми организациями, показывают, что в деревне для двадцатипятидесятников остройшей проблемой оказывалось полное отсутствие средств. Как уже отмечалось, половина мобилизованных с местных предприятий должна была получать доплаты из окружных бюджетов (помимо установленной для их должности ставки). Между тем, по свидетельствам двадцатипятидесятников, после ликвидации округов (июль 1930 г.) эти выплаты, прекратились. Так, в конце 1930 г. Больше-Муртинский райком ВКП(б) сообщил крайкому, что четверо рабочих после упразднения Иркутского округа доплату не получали⁴. Подобная ситуация наблюдалась и в бывшем Красноярском округе: согласно справке Крайколхозсоюза, двадцатипятидесятники Аристов и Кириллов с октября не получали зарплат, ранее же им платил окрколхозсоюз⁵. В Партизанском районе с сентября 1930 г. двадцатипятидесятники также прекратили получать разницу в зарплате⁶.

Бытовые условия в восточно-сибирской деревне были столь тяжелыми, что даже местные двадцатипятидесятники зывали о помощи. Рабочий Иннокентиевского депо Базилевский, проработав около года в Заларинском районе, сообщал, что его

---

¹ ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1443. Л. 3. Характеристика рабочих из числа 25 тыс., размещенных на работу в Иркутском округе. В документе указано, что 32,4 % двадцатипятидесятников имели партийный стаж от 10 лет и выше, а в графе от 5 до 10 лет поставлен прочерк. Нам представляется, что это ошибка, т. к. в Восточной Сибири не могло быть столь высокого процента рабочих, вступивших в партию до 1920 г.

² РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Д. 29. Л. 129. Данные по 12 округам.

³ Там же.

⁴ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 3. Д. 11. Л. 1–4. Список двадцатипятидесятников Больше-Муртинского района.

⁵ Там же. Л. 18. Справка крайколхозсоюза.

⁶ Там же. Л. 26. Список двадцатипятидесятников Партизанского района. 01.12.30.

семья снабжается по третьей категории, тогда как на производстве он получал бы по первой. В результате, четверо детей двадцатипятилетия, живущие с матерью в п. Иннокентьевском, болели из-за недостаточного питания, а сам он ходил в лохмотьях¹.

Образовательный и культурный уровень рабочих в Сибири был ниже, чем ленинградцев. Это подтверждается тем, что, если среди приехавших в Сибирский край ленинградцев только низшее образование было у 75 %, то, согласно данным о 77 рабочих, мобилизованных в Иркутском округе, низшее образование имели 75 из них². Кроме того, сибирский рабочий не обладал тем политическим весом, который зачастую помогал ленинградцам приобрести авторитет среди колхозников.

В Восточной Сибири особенно остро ощущалась нехватка руководящих кадров при переходе к форсированным преобразованиям в деревне. Именно с недостатком руководящих кадров связано то, что из 77 рабочих, посланных в деревню Иркутским окружкомом, 52 чел. (68,3 %) сразу назначались председателями колхозов, 9 (12 %) – председателями кустов, 14 (18,4 %) – инструкторами, один (1,3 %) – председателем райживотноводсоюза. Ещё один двадцатипятилетичник был направлен на должность секретаря партийной ячейки³. Для сравнения отметим, что весной 1930 г. (по сведениям крайкома ВКП(б)) в целом по Сибири на руководящей колхозной работе было использовано 66,3 % двадцатипятилетичников, из них только 43,9 % – председателями коммун и колхозов, остальные – членами правления и заведующими отдельными частями и отраслями хозяйства⁴. В Бурят-Монголии председателями и заместителями председателей колхозов сразу по приезду было назначено только 37 % (37 чел. из 100), ещё 36 % оказались членами правлений колхозов, тем самым, на руководящей колхозной работе оказались 73 %. Сюда следует добавить 3 % председателей кустовых объединений колхозов и 13 %, определенных на культурно-массовую колхозную работу⁵.

Сколько двадцатипятилетичников закрепились на руководящей колхозной работе в Иркутском округе точно не установлено. Однако известно, что мало кто из них долго удерживался на одной должности. По данным выборочной проверки конца 1932 г. (17 чел. из девяти районов), в среднем на одного мобилизованного рабочего приходилось три переборки, а в отдельных случаях – до семи⁶. Имеется информация о распределении двадцатипятилетичников по должностям на февраль 1931 г. в Бурят-Монгольской АССР. Бурятский обком ВКП(б) отмечал, что после года работы в деревне 18,1 % ленинградцев оказались на партийной и комсомольской работе (в Западной Сибири, по нашим подсчетам, осенью 1930 г. на партийной работе было использовано 16,5 % двадцатипятилетичников). На руководящей колхозной работе остался только 51 % (27 председателей, четыре зампредседателя и пять членов правления колхозов). Количество двадцатипятилетичников на работе в райсоюзах не изменилось, но председателей осталось лишь двое вместо четырех (2,8 % от оставшихся в деревне), возросло число членов правления и инструкторов районных союзов (вместо 4–6, или 11,2 %). На этом фоне несколько

---

¹ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 3. Д. 11. Л. 75. Заявление двадцатипятилетичника Базилевского в Восточно-Сибирский крайком ВКП(б). Подобный пример см.: Ф. 16. Оп. 1. Д. 1448. Л. 35.

² *Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927–1937 гг.)*. Томск, 1972. С. 130.

³ ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1443. Л. 25. Иркутский окружной комитет Куйтунскому райкому ВКП(б). 09.02.30.

⁴ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Д. 22. Л. 15.

⁵ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 274. Л. 61. 24 февраля 1931. Верхне-Удинск. Информационная сводка о работе двадцатипятилетичников в БМАССР.

⁶ Там же. Д. 444. Л. 173. 02.01.33. Отдел кадров Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) в распредел. ЦК ВКП(б).

приукрашенными выглядят выводы Бурятского обкома о том, что «25-тысячники всё больше и больше выдвигаются на ответственные посты в колхозах»¹.

Помимо официальных сводок об использовании двадцатипятидесятников, об этом сохранились свидетельства самих рабочих, а также переписка районных партийных органов с вышестоящими инстанциями. Фактически двадцатипятидесятников бросали на любые «слабые» участки, или определяли на имеющиеся свободные должности. Ленинградец Суханов писал в обком партии, что в коммуне имени Ленина ему пришлось работать по хозяйству: возить воду и т. п., «ещё снимали с работы на другую, по всем компаниям, отрывали от колхозной работы»². Двадцатипятидесятник С. Хорошкевич был задействован одновременно на должностях секретаря ячейки колхоза, заведующего хозяйством колхоза, заведующего строительством колхоза, а также уполномоченным райисполкома. В своем письме в ЦК ВКП(б) рабочий жалуется, что не справляется с возложенными обязательствами «иногда совсем»³. При этом Хорошкевич сообщает, что их колхоз один из лучших в Уярском районе. Подобная ситуация весьма характерна для мобилизационного метода решения задач: государство максимально использовало силы рабочих, понимая, что в деревне их можно задействовать почти 24 часа в сутки.

В случаях, когда двадцатипятидесятники не справлялись с порученной работой, они могли быть перемещены на менее ответственные должности. Так, в Тулунском районе Фетищев был переведен с поста председателя артели на заведование хозяйством колхоза. В этом и ряде других случаев райкомы считали использование двадцатипятидесятников на подобных работах нецелесообразным, в том числе ввиду нехватки квалифицированных кадров на производстве⁴.

Также как и в других регионах, в Восточной Сибири непросто складывались отношения двадцатипятидесятников с местными партийными и советскими органами. Отмечена масса случаев «невнимательного отношения, подсиживания и т. п.» по отношению к рабочим, а также «распространение разных слухов»⁵. П.И. Грязнов жаловался, что «всю работу на селе сваливают на двадцатипятидесятников – рабочий и выполняй, в район приедешь, не добьешься целыми днями и уедешь ни с чем»⁶. Несколько двадцатипятидесятников сетовали в своих письмах, что районные организации «не верили, что им тяжело». Хотя, по словам Бредихина, «как рабочие, они были заинтересованы сделать всё возможное»⁷.

Среди двадцатипятидесятников в Восточной Сибири необходимо выделить те сто человек, которые трудились в Бурятии. Во-первых, это был самый восточный отряд из направленных Ленинградом и центральными регионами в целом. Во-вторых, они оказались в национальной республике, языка которой не знали, и работать многим приходилось через переводчиков. В условиях плохого снабжения, в том числе и одеждой, зимой они были вынуждены мерзнуть в непривычном климате. Так, двадцатипятидесятник Гельфонд писал в обком партии, что ленинградец Сойко

¹ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 274. Л. 61. 24 февраля 1931. Верхне-Удинск. Информационная сводка о работе двадцатипятидесятников в БМАССР.

² Там же. Л. 65. 24 февраля 1931. Верхне-Удинск. Информационная сводка о работе двадцатипятидесятников в БМАССР (приводятся цитаты из писем).

³ Там же. Оп. 3. Д. 11. Л. 65. Письмо двадцатипятидесятников Хорошкевича в оргбюро ЦК ВКП(б). 17.12.30.

⁴ Там же. Л. 45, 50.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 274. Л. 64–65.

⁶ Там же. Л. 23.

⁷ Там же. Оп. 3. Д. 11. Л. 65.

зимой ходил пешком в центр в осеннем пальто. Когда Гельфонд поставил перед районной организацией вопрос о выдаче ему хотя бы 100 руб. на покупку шубы, «никто палец о палец не ударил». В итоге он самовольно выдал Соико 100 руб. из средств райсоюза. Другие испытывали серьезные проблемы с жильем. Ленинградец Звегинский сообщал: «Квартиры не имею, живу, где придется, летом в поле и юрте, зимой кое-где, сейчас живу в только что отстроенном доме для трактористов. Одно время жил с кулаками в одной квартире, которые работали на ломке камня»¹.

Отдельные бурятские колхозы находились в таком удалении от цивилизации, что двадцатипятидесятники чувствовали себя «ссылно-каторжными»². Слабость коммуникаций сказывалась, в том числе на получении рабочими разницы в заработной плате. На фабрике «Скорород» в июне 1930 г. было даже постановлено послать в Бурят-Монголию своего представителя «для проверки безобразного отношения местных почтовых отделений» к доставке денег двадцатипятидесятникам.

В результате, уже после первого года работы в БМАССР из 100 ленинградцев остался только 71. 24 чел. уехали обратно в Ленинград «по болезненному состоянию здоровья», три человека были откомандированы, как «не соответствующие работе (пьянка, бесхозяйственность, связь с чуждым элементом и т. п.)», один уехал самовольно, и один – умер в Бурятии³. В то же время, имеющиеся данные «отсева» двадцатипятидесятников по Бурятии на первые месяцы 1931 г. не превышают соответствующие данные по Западной Сибири и даже по Центрально-Черноземной области⁴.

В сентябре 1931 г. Восточно-Сибирским крайкомом ВКП(б) в крае было зарегистрировано 254 двадцатипятидесятника⁵. Из них в марте 1932 г. закрепилось лишь 170 чел.⁶. По приблизительным подсчетам, это не менее 40 % от прибывших, что соответствует проценту оставшихся на тот момент в Западной Сибири⁷. К концу 1932 г., по данным выборочной проверки, деревню покинуло ещё около половины рабочих. Из 38 чел. – 12 вернулось на производство и пять отправились учиться⁸.

В то же время, наиболее отличившихся из оставшихся в деревне рабочих в 1931–1933 г. нередко выдвигали на такие ответственные должности, как председатель райколхозсоюза, директор МТС и т. п.⁹. двадцатипятидесятнику А.Я. Комарову, назначенному в 1931 г. инструктором крайколхозсоюза, удалось закрепиться в краевом аппарате¹⁰.

Таким образом, существовали факторы, которые отличали Восточную Сибирь от других регионов, где работали двадцатипятидесятники. Во-первых, это была наиболее удаленная на восток территория, куда посылались рабочие «в счет 25 тысяч» из центра. Во-вторых, в отличие от Западной Сибири, главным источником формирования отряда

---

¹ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 274. Л. 63. 24 февраля 1931. Верхне-Удинск. Информационная сводка о работе двадцатипятидесятников в БМАССР (приводятся цитаты из писем).

² Там же. Оп. 5. Д. 18. Л. 11–16. Заявление двадцатипятидесятника Н. Гельфонда в Восточно-Сибирский крайком. 19.06.31.

³ Там же. Ф. 123. Оп. 2. Д. 274. Л. 61.

⁴ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 418. Л. 1100. ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 16. Д. 311. Л. 9.

⁵ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 5. Д. 18. Л. 26.

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 444. Л. 173.

⁷ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 418. Л. 587–592.

⁸ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 444. Л. 173.

⁹ Там же. Оп. 3. Д. 2. Л. 274–275; Д. 4. Л. 37, 38; Д. 61. Л. 80.

¹⁰ Там же. Д. 2. Л. 275.

двадцатипятидесятников здесь стали рабочие местных предприятий. В Иркутском округе при вербовке на колхозную работу основным методом выступала принудительная мобилизация членов партии.

Нехватка низовых руководящих кадров, особенно остро ощущавшаяся в Восточной Сибири, заставила органы власти сразу направить большую часть двадцатипятидесятников на руководящую работу. Кто-то из них действительно сумел оживить колхозное строительство на отведенном ему участке. Однако неготовность большинства промышленных рабочих к руководству и организации коллективных хозяйств (в силу малограмотности, незнания сельского хозяйства, отсутствия опыта общественной работы и т. п.) предопределила постоянные их перемещения с одной должности на другую, в том числе по нисходящей линии. После первого года пребывания двадцатипятидесятников в Восточной Сибири картина их распределения по должностям фактически совпала с соответствующей картиной в Западной Сибири. Условия работы двадцатипятидесятников в рассматриваемых регионах также оказались сравнимыми: те же сложности возникали в отношениях с районными организациями, у многих отсутствовала связь с предприятиями, даже местными. В то же время, Восточной Сибири сложилась более острая ситуация со снабжением и зарплатой, чем в Западной.

Процент «отсева» в Восточной Сибири поначалу был чуть меньше, видимо, в силу большей нехватки местных сельских организаторов. Однако в дальнейшем он примерно сравнялся. То есть, несмотря на названные отличия, имевшиеся при мобилизации рабочих в Восточной Сибири и в условиях их деятельности, в течение 1930–1931 гг. здесь сложилась ситуация, характерная для двадцатипятидесятников всей Сибири, а во многом и страны в целом. Определенные особенности сохранились в Бурят-Монголии, но они были присущи и другим национальным районам СССР.